

ОКСАНА ТИТОВА и ее Гамлет

Из всей мировой литературы Гамлет, наверное, самый «русский» персонаж. Без «быть или не быть» не обходится ни один человек русской культуры, склонный к задумчивости. Я не ошиблась: молодой хореограф Оксана Титова, готовясь к постановке своего «Гамлета», читала Шекспира именно в переводе Пастернака. И хотя Оксана — эстонский хореограф, и домашний язык у нее сейчас эстонский (а ее сайт сделан на английском), цепная реакция несчастий, которая соединяет персонажей трагедии в ее постановке, отсылает нас к русской культуре.

Елена Скульская
skulskaja@infonet.ee

- Оксана, вы выросли в русской семье, стали эстонским хореографом, к какой культуре относите себя сами?

- Я, наверное, самый удачный интеграционный проект моих родителей: они отдали меня в балетную школу, и мне захотелось общаться там не толь-

эстонской крови, эстонских корней, какая же я эстонка? Но разве я русская — по опыту жизни, общению, быту, навыкам? Словом, получается что-то третье, чему пока не найдено определение.

- Вы получили высшее образование в Таллинском университете, все ваши танцевальные спектакли отмечены и в Эстонии, и за ее пределами. «Гамлет» был в этом году показан на «Золотой маске». И при этом вы остаетесь

Керикмяэ, и художница Эло Сооде, и автор видеоинсталляций Андрес Тенусаар. И при этом мне необходимо самой думать языком тела, чтобы создать спектакль. Я не являюсь примой, солисткой, но довольна теми небольшими ролями, которые выпадают на мою долю, не чувствую тут никаких противоречий или комплексов.

- Ваши постановки, наверное, можно отнести к концептуальному искусству. Первый большой спектакль «Последний волосатый», сделанный в соавторстве с Тааветом Янсенем, кроме сугубо эстетических целей преследовал и социально-практическую, он выступал против утраты индивидуальности...

- Моя концепция строится, прежде всего, на том, что я хочу реализовать не только как хореограф, но как художник в широком смысле слова, личность. Нас с Тааветом обвиняли в излишних красавостях, склонности к любованиям, а мы доказали, что на этом можно построить целый спектакль, получивший, кстати, не одну премию. Нас наградили Союз театральных деятелей Эстонии, мы побывали

Что у нас в театре есть и Гертруда, и Полоний, и Офелия... В «Гамлете» меня взволновал не только сам Черный Принц, но некий синдром Гамлета, синдром несчастья и тяги к нему, который создает в трагедии круговую поруку персонажей. Никто не может вздохнуть полной грудью, придавленный отчаянием людей, связанных с ним. Как только кто-то начинает выздоравливать, его немедленно втягивают в болезнь остальные.

- В спектакле персонажи стараются отделиться друг от друга с помощью прозрачных стен, которые не спасают их от «зараженности»...

- У каждого есть боль, несчастье, тайна, у каждого свой крест, который невозможно сбросить. Его нужно нести до конца. Мне кажется, что «Гамлет» начинается не там, где у Шекспира, а с похорон отца Гамлета. Поэтому у нас в спектакле все начинается с того, что на экране появляются черви, — это гниль, смерть, которая будет потом разжевать жизнь. И сразу после смерти идет рождение — рождение Принца, который несет в себе проклятие, ростки гибели.

хореографом, к какой культуре относите себя сами?

- Я, наверное, самый удачный интеграционный проект моих родителей: они отдали меня в балетную школу, и мне захотелось общаться там не только с русскими одноклассниками, но и с эстонскими. Первые слова, которые я выучила на эстонском – «rape ukс kinni» («закрой дверь!»), - в балетной школе самые маленькие раздеваются ближе всех к выходу, старшие на них покрикивают...

- Сейчас это звучит достаточно символично: теперь вам никто не предложит закрыть двери – ни с той, ни с другой стороны...

- Надеюсь. А к какой культуре я принадлежу, кем себя считаю, однозначно ответить не могу: во мне нет

ваши танцевальные спектакли отмечены и в Эстонии, и за ее пределами. «Гамлет» был в этом году показан на «Золотой маске». И при этом вы остаетесь в балетной труппе театра, не достигнув таких высот в исполнительском мастерстве. Не лучше ли быть только успешным хореографом?

- Все мои спектакли – попытка выразить языком тела, пластикой то, что в других видах искусства выражается словами, звуками или красками. К слову сказать, для меня очень важен синтез в искусстве, в моих постановках огромную роль играет не только музыка, но и свет, видео, сценография и костюмы. Мои полноправные соавторы в «Гамлете» и композитор Таави

излишних «красивостей», стремление к любованиям, а мы доказали, что на этом можно построить целый спектакль, получивший, кстати, не одну премию. Нас наградила Союз театральных деятелей Эстонии, мы побывали в Москве на фестивале современного танца, «Последний волосатый» вошел в число десяти лучших танцевальных спектаклей Европы, попавших на фестиваль в Лондон.

- То есть начало было очень успешным?

- Успех – не более чем право идти дальше. Ты понимаешь, что интересен не только самому себе, но и еще кому-то.

- Как вы решились на «Гамлета»?

- Перечитывала трагедию и вдруг поняла, что узнаю всех персонажей.

ются черви, - это гниль, смерть, которая будет потом разъедать жизнь. И сразу после смерти идет рождение – рождение Принца, который несет в себе проклятье, ростки гибели. Очень важно, что у нас всякий раз получается другой спектакль, поскольку композитор Таави Керикмяэ исполняет свою музыку живую, меняются нюансы, перестраивается все здание...

- Как вас принимали в Москве?

- Кто-то был в восторге, кто-то снисходительно замечал, что нечто подобное ему уже доводилось видеть... Весь разброс мнений, что и замечательно!

Фото: Станислав Рышкевич

